

ВЛИЯНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ГОРНОЗАВОДСКОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ПИТАНИЕ И ОДЕЖДУ ЖИТЕЛЕЙ*

Организация производства на горнозаводском Урале в большой степени оказала влияние на питание населения, поскольку определяла особенности пищедобывающей стратегии и модели распределения пищи. Она гарантировала жителям снабжение главным продуктом питания - хлебом - и почти обязательное наличие приусадебного хозяйства. Зарплата рабочих уральских заводов состояла из двух частей: денежной и натуральной. Выдачи наличными деньгами начислялись в зависимости от характера (квалификации) и объема выполненной работы. А натуральные (хлебом) должны были обеспечить их семьям прожиточный минимум. Независимо от квалификации рабочие получали единую норму хлебного провианта - на взрослого два, на работающего подростка полтора, на ребенка один пуд хлеба в месяц (на казенных и на ряде частных заводов провиант выдавался бесплатно, на большинстве остальных за неполную плату). Кроме выдачи хлебного провианта заводская администрация обеспечивала жителей усадебной землей, пашней, выгонами и сенокосами. Горнозаводской рабочий имел хлеб, зарплату, «усадебное хозяйство, дававшее ему овощ, и полевое хозяйство, снабжавшее его сеном».

В начале XIX в. горная администрация составила «Исчисление, сколько каких именно провианта и харчевых припасов нужным считается определить одному человеку семейному», которое позволяет в какой-то мере представить количество потребляемых продуктов питания. На месяц полагалось: 30 фунтов говядины, 10 фунтов соленой и сухой рыбы, 5 фунтов соли, 10 фунтов толокна, 5 фунтов гороху и 60 пудов муки¹. Расчетные листы ревдинских углежогов за 1824 г. показывают реальные нормы потребления. Следует отметить, что их снабжали только двумя продуктами питания: хлебом и солью. Закупки баранины производились один раз в году, видимо, на Рождественские праздники - в двадцатых числах декабря. Состоящая из двух человек семья Конона Рукавишников (он сам и его жена) в мае месяце довольствовались 2-мя пудами хлеба и 8-ю фунтами соли, в июне - 7-ю пудами хлеба, в июле 4-мя пудами

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант 04-01-00462а)

хлеба и 8-ю фунтами соли, в августе 4-мя пудами хлеба, в сентябре 4-мя пудами хлеба и 8-ю фунтами соли, в октябре 4-мя пудами хлеба².

В связи с суровыми климатическими условиями и трудностями доставки продовольствия жители северных заводов нередко нуждались в «хорошем хлебе и в сколько-нибудь удовлетворительного качества говядине»³. Население остальных заводов занимало промежуточное положение между изобилием Южного и скудостью Северного Урала. В соседних с Богословскими Гороблагодатских заводах во второй половине XIX в. удалось даже решить проблему снабжения жителей овощами. «В огородах, - сообщали в 1849 г. Русскому географическому обществу из Кушвинского завода, - сажают лук, картофель, репу, ретью, капусту, морковь, свеклу, сахарный горох, простые бобы, нередко огурцы и тыквы. В большем количестве сажается капуста и картофель. Эти овощи лучше других разводятся потому, что и в домашнем быту более употребительны. Есть люди, которые почитают за грех есть картофель, но не менее других его разводят и продают»⁴. По свидетельству доктора И. Андржеевского, жители Ижевского завода также видели опору в собственном хозяйстве. «Принимая в расчет, - писал он в 1880 г., - что большой огород при доме почти каждого оружейника дает более, чем достаточный годовой запас овощей, избыток которых продается на базаре, и что в каждом почти доме имеется корова, нельзя не придти к заключению, что состав пищи ижевского оружейника может считаться вообще удовлетворительным»⁵. Врач А. Романов в 1876 г. подробно расписал, как население использовало овощное изобилие: «С начала лета преобладает лук, в июле появляется редька, с августом месяцем картофель, господствующий до февраля-марта месяца. Осенью к картофелю прибавляется капуста»⁶. Такая благоприятная ситуация имела место далеко не на всех заводах даже Западного Урала. Проведя в 1886 г. перепись Дедюхинского завода, Е.И. Красноперов суммировал свои наблюдения по этому вопросу следующим образом: «Главные из овощей, имеющие в хозяйстве большое значение, - капуста и картофель. На семью нужно в год, по крайней мере, 6 ведер капусты. Между тем только 30% имеют эту пропорцию из своих огородов, прочие же покупают»⁷. В Березовском заводе огородничество и животноводство было развито также плохо, как охота и рыболовство. «Лук и картофель, - писал в 1881 г. священник А. Топорков, - весь употребляется еще осенью. Мало таких обывателей, у которых от 2 до 3 коров, по 5

голов овец и свиней и по 3 козы. Многие не имеют даже куриц. Если рыба ловится, то мелкая. Охотой в лесах из жителей никто не занимается, по непривычке; иногда в лесах Рефтинских и Мостовских убивают лосей, или сохатых, диких коз, мясо которых употребляется в пищу»⁸. Жители Юго-Камского завода в конце XIX в. занимались подсобным хозяйством намного успешнее. Кроме картофеля, на своих огородах они сажали капусту, сеяли морковь, свеклу, редьку, репу, калегу, брюкву, огурцы, хрен; выращивали также лук, чеснок, укроп, мяту, горох, бобы и др. Капусту и огурцы солили, запасая впрок на зиму. Мясо не играло большой роли в повседневном быту и больше являлось праздничной едой. В качестве дневного продукта имелась возможность получить к столу рыбу. В рабочих семьях были и охотники; ловили зайца, а больше ходили на тетерева («косача»), глухаря⁹. Добытое охотой на птиц являлось подспорьем в рационе населения другого завода Западного Урала Чермозского. Однако предпочтение они отдавали продуктам рыбного промысла. «Едва пришел рабочий домой, закусил, - описывая пристрастия жителей Н.Н. Новокрещенных, - берет сак и тянется к Каме или Чермозу сакать». Улова обычно хватало на пирог или уху. Заводские обыватели также собирали летом грибы и ягоды, возделывали огороды¹⁰. Овощная продукция: картофель, репа, морковь, брюква («калега») и особенно капуста со своего огорода, играла в конце XIX в. важную роль в питании рабочих Нижнетагильского завода. Здесь также заготавливали впрок грибы, ягоды: черемуху, рябину, жимолость, смородину, малину, бруснику¹¹.

Основой рациона горнозаводского населения являлась растительная пища. В 1854 г. Д. Петухов включал в питание жителей Дедюхинского завода «хлеб и огородные овощи». «Грибы, хлеб и картофель, - писал он, - составляют преимущественную пищу дедюхинцев. Каждый из них питается этими произрастениями, а бедные только ими и живут». Десять лет спустя М. Кирпищиков наблюдал аналогичную ситуацию у жителей Чермозского завода. К продуктам овощеводства: картофелю, редьке, капусте, он добавил только кислое молоко, употребляемое в скоромные дни. Говядину ели только по праздникам¹². К концу столетия положение на Западном Урале осталось прежним. Несмотря на близость губернского города Перми, «почти исключительно растительной» была в 1891 г. пища рабочих Мотовилихинского завода, которой, по мнению Р. Рума, они «без сомнения продовольствуются больше половины времени (года)¹³. В конце XIX в. удельный вес хлебных, мучных изделий был

очень значительным в питании югокамских рабочих¹⁴. В пище жителей Нижнетагильского завода было большое количество блюд из злаков: хлебные изделия, каши, кисели, напитки, для приготовления которых широко использовались рожь, ячмень, овес, просо, горох¹⁵. В рационе заводского населения Южного Урала также преобладали изделия из хлеба и овощи¹⁶.

В связи с переносом центра экономической жизни из семьи на производство такие явления как «производственные» одежда и пища в горнозаводской среде стали обозначаться более явственно. Отделению от «домашнего» также способствовали непрерывный цикл в металлургии, протяженный рабочий день во вспомогательных цехах, сезонность некоторых работ или проведение их вдали от населенных пунктов.

Режим питания горнозаводского населения во многом зависел от распорядка рабочего дня. По мнению медика Ижевского завода (1880 г.), существовала «явная недостаточность питания большого числа рабочих», причина которой заключалась «в условиях работы и в распределении рабочих часов». «Оружейники, которые живут поближе к заводу, - писал он, - имеют возможность позавтракать (не всегда), пообедать и поужинать, но дальние должны довольствоваться одним только ужином»¹⁷. Выход из столь характерного для всех заводов края положения видели в принесении еды из дома. В Верх-Исетском заводе (1814 г.) жены «поутру приносили завтрак хлеба и в туеске щей»¹⁸. По воспоминаниям П.П. Бажова, время обеденного перерыва, между 11 и 12 часами, так и звалось «бабым часом». Верхом «женской заботливости» считался рыбный пирог¹⁹. Из судебного дела 1823 г. следует, что житель Нязе-Петровского завода Козьма Шонпулов бил жену за то, что она «принесла ему на работу пищи только один раз, а следовало два раза»²⁰. О подобном порядке: «Чтоб им, когда работают, то есть домой не ходить, а есть в фабрике», - говорилось уже в инструкции В. Генина 1723 г.²¹ Собираясь на 12-часовую смену, работники доменного цеха, по воспоминаниям П.П. Ермакова, брали с собой на обед туесок капусты или кислого молока, соленых грибов, «а то проще - фунтов пять картошки, которую употребляли или в виде печенок, вынутых из горячей золы, около колошника печи, или в виде незамысловатой похлебки, сваренной в чугунном котелке»²². Оружейники Ижевского завода брали на работу сушеную рыбу, расколачивали ее обухом, вымачивали немного в воде и, прихлебывая водой, съедали²³. Воду для приготовления пищи в начале XX в.

на Благодати привозили с заводского пруда, а для питья - из колодезев и хранили ее в больших деревянных кадках. Рабочие предпочитали пить ее в сыром виде²⁴.

Для того чтобы больше пить работники «огненных производств» нарочно ели соленую рыбу. Таким образом им за 12 часов смены удавалось выпить более 8,5 литров, а иногда количество выпитой воды доходило до 2 ведер²⁵. Воду предпочитали самую холодную. «Разогревшись во время работы, мастера имеют обыкновение утолять палящую жажду чаще ключевой водой, смешанной со льдом», - сообщал врач Т. Успенский²⁶.

Наряду с водой «производственными напитками» у рабочих считались также пиво и брага. По словам священника Ип. Словцова, пивоварение в Дедюхинском заводе вело свое начало чуть ли не с его основания и по сравнению с тем временем его потребление к 1860 г. достигло «гораздо больших размеров»²⁷. Спрос на этот напиток обуславливался характером заводских работ - «жаром до 70 градусов по Реомюру». Компания из четырех человек выпивала ведро «в продолжение часа», стараясь сделать это «вовсе не вдруг, но с расстановкою». Считалось, что от употребления пива «охмеления быть не может», а наступает «чувство бодрости и восстановления сил». Это состояние Ип. Словцов называл почему-то «под бражкой», хотя речь идет о пиве²⁸. Между этими продуктами было много общего. Н.Н. Новокрещенных из Чермозского завода считал, что брага тоже «напиток из солода, собственно тот же затор с бардой», используемый для приготовления пива, «который отцеживают», но «не охлаждают и не перегоняют для получения спирта, а пьют прямо этой бурдой».

Варка и употребление браги среди горнозаводских жителей также получило широкое распространение. Авторы описаний Дедюхинского и Чермозского заводов и В.И. Немирович-Данченко утверждали, что население Западного Урала «взамен» водке часто предпочитало брагу. Н. Н. Новокрещенных о значении этого продукта выразился более конкретно: «Для жителей Пермской губернии по правую сторону Камы брага то же, что пиво для немца». «До пропасти пьют ее. — Рассказывали местные жители В.И. Немировичу-Данченко. - С огня на заводах и так здесь постоянно пьют ее. Она очень вкусна, белая; из проросшего овса и солода варят ее. Иной по полведра в день выпивает ее»²⁹. Брагу считали «напитком, несколько хмельным, но так как он изготовлялся на муке (овсяной), то до известной степени питательным»³⁰, а также «возбуждающим».

Лучшей брагой считалась та, «которая еще бродит... не передержанная, переквашенная». «Такая брага да еще подогретая, - делился своими впечатлениями Н.Н. Новокрещенных, - действует как пунш, и согревая, и опьяняя». Ее рассматривали даже в качестве замены жидкой пищи. «Поутру вместо завтрака, - сообщал врач Чермоозского завода, - многие рабочие пьют теплую брагу с хлебом; идя на работу, мастеровой часто также несет с собою туесок браги»³¹. «Во время разгара заводской работы, - продолжал эту тему Е.И. Красноперов, - рабочие и освежают себя и отчасти поддерживают свои силы брагой». «Бывало, - замечал Н.Н. Новокрещенных, - трезвый рабочий, явившийся утром, выводится из фабрики пьяным к обеде». Однако, по его наблюдениям, у большей части «любителей от невероятного количества выпитого только рожа краснеет». «Трудно сказать, - размышлял по этому поводу В.И. Немирович-Данченко, - как бы питался местный рабочий, если бы не это пойло. Мяса он не видит и в праздник, хлеба не всегда вволю, рыбы мало». Особенно много, по его наблюдениям, употребляли браги в губахинских каменноугольных копях³².

Значительно хуже сложилась ситуация с обеспечением питания в рабочее время на шахтах и рудниках. «Упражняющиеся в добычании руд в Туринских рудниках», по замечанию Н. С. Попова, на рубеже XVIII-XIX вв. страдали «от недостатка свежей пищи и употребления солонины и сухой (вяленой) рыбы», и «употребляемой из рудников водою, кою пить принуждены за неимением в близости лучшей»³³. Еще в 1830-е гг. врач Т. Успенский наблюдал аналогичную картину в Березовском заводе. «Вследствие дальности расстояний от своих домов, занятые на золотых промыслах молодые мужчины и женщины, мальчики и девочки, может быть до половины всего населения, - сообщал он, - питаются грубой пищей и вызывающими давление в желудке сухарями, солониной и копченым мясом, чаще - рыбным, за неимением ключевой воды вынуждены утолять жажду из тех ям, откуда копают руду»³⁴. На рудниках Каноникольского и Шильвинского заводов в первой половине XIX в. питались в основном хлебом, изредка пшенной кашей, соленым мясом³⁵. По мнению М. Блинова, «грубая» и часто испорченная пища, которой должны были иногда «довольствоваться» «удаленные от своих домов и семейств на промыслы» рабочие Богословского округа, способствовала развитию у них цынги и горячки³⁶. В 1860 г. шахтовой водой отравились работники Ключевского медно-го рудника. Путем анализа в ее составе был обнаружен мышьяк³⁷.

Постепенно положение стало меняться к лучшему. Работающие на рудниках Симского и Миньярского заводов в начале 1840-х гг. имели «общий, весьма исправный и опрятный стол»³⁸. «Попечительностью В.А. Глинки» в середине XIX в. на золотых промыслах Боголовского округа, где производились постоянные работы, были «заведены так называемые артельные столы», а сверх жалования и провианта мастеровые получали здесь «кормовые деньги», которые позволяли им иметь «сытный стол из свежей провизии»³⁹. Горняки Нейво-Рудянки брали из дому кусок хлеба, а заводоуправление раз в смену спускало им горячую пищу, «за которую с рабочего ничего не взималось». В «скромные» дни - щи с мясом, в постные - уху. Опускали пищу «в герметически закрытых медных сосудах». Проблему с доставкой в шахты чистой воды решить так и не удалось - рабочие продолжали пить рудничную⁴⁰. Находясь значительное время на лесных делянках и в курнях, углежогги также испытывали трудности в организации питания. В Полевском заводе (конец XIX в.) «раз или два в неделю, в зависимости от погодных условий», они приезжали за хлебом домой. Тогда же увозили какой-нибудь «приварок: сушеную рыбу, крупы»⁴¹.

На заводах достаточно рано для рабочих стали устраивать совместные корпоративные трапезы. Подобный «старый» обычай, например, существовал в Чермозском заводе. До 1836 г. обед всем работающим полагался в честь именин владельца, приходившихся на девятое сентября. Затем его стали проводить днем раньше - восьмого сентября, совместив с престольным праздником Рождества Богородицы. Абамелек-Лазаревы поступали как и другие заводчики. По наблюдению Н.Н. Новокрестьянских, на соседних заводах графа Строганова «обеда» совпадали с днем его ангела еще в конце XIX в. На рыночной площади «заблаговременно» устраивали кухню и столы. После короткой молитвы духовенство «освещало обед и окропляло его святой водой». У каждого стола «распоряжался» один из служащих. В меню входил кусок рыбного пирога, щи, мясо, каша. Водку и пиво разносили ведрами. Причитающуюся им норму водки (три стакана) рабочие, как правило, переливали «в ранее приготовленную бутылку» и уносили домой. «Ранее, - отмечал Н.Н. Новокрестьянских, - пробовали не давать /этого делать/ - и большинство оставалось под столом, так как три стакана, выпитые на голодный желудок, свалят всякого здоровяка». Малолеткам вместо водки выдавали пряники. После обильного угощения местные жители «ходили по улицам как окормленные тараканы»⁴².

В первой половине XIX в. сценарий аналогичного застолья в Усолье отличался от чермозского лишь в деталях. Владельцы здешних соляных промыслов устраивали «для всех вообще» рабочих и мастеровых «хороший обед с вином и пивом». Пока «под открытым небом накрывали столы», кушанья «жарились и кипели в огромных котлах». После благословения священником «ястия и пития», столы накрывали чистым холстом, и начинали разносить калачи, пироги с рыбой, холодное, щи, кашу, жаркое. Каждому обедающему полагалось три больших стакана вина и «очень хорошее пиво - без меры». «Очень» молодым парням подавали также три, но «небольших» стакана вина. Пригубив напиток, подростки большую часть содержимого сливали в принесенные с собой бурачки и после угощали им домашних. Женщины не участвовали в застолье, а только издали «любовались, как пируют мужья». Но и без них за столом «угощалось» более двух тысяч человек⁴³.

Подобные застолья представляли собой не просто коллективное насыщение. Их ежегодное проведение как минимум включало в себя констатацию того, что собравшиеся принимают и разделяют определенные традиции, минимальные этические и эстетические нормы поведения, следовательно, принадлежат к одной культурной общности. Поскольку речь идет о трапезе постоянного рабочего коллектива, то к этому добавляется признание и утверждение своей принадлежности к нему.

Длительное пребывание в агрессивной для человека среде - «огненное» производство, места добычи полезных ископаемых - повлекло за собой появление специального рабочего (защитного) костюма или, как принято говорить сегодня, спецодежды. Текст Б. Федоровой: «Придет человек к горну в синей рубахе. Ломом как требуется потрясывает крицу в горне, таскает раскаленные тяжести. Часа через три рубаха белая, а на ошуп хрустит - сними, поставь на пол, стоять будет. Это от соли, от соленого поту»⁴⁴, - не более как литературный прием для показа условий труда в «горячем цеху». Источники единодушно утверждают, что производственную одежду (рубашку и штаны) обязательно шили из неокрашенной ткани и исключительно холщевой (льняной), поскольку в ней было прохладнее и она не так быстро загоралась от искр, как, например, ситцевая⁴⁵. П. Небольсин в начале 1850-х гг. писал, что рабочие были одеты в белые холщовые рубашки⁴⁶. «При работе на фабриках, - отмечал Н.Н. Новокрещенных, - рабочие надевают по преимуществу белое платье, то есть рубашки белые холщовые, а не краше-

ные, которые через два дня покрываются почти коркой от соле пота... Угольный мусор и пыль в два дня рубашку делают совершенно серой, даже черной». «Чтобы легче было охлаждаться, замечал он продиктованное производственной необходимостью отступление от традиций, - пояс не носят». Спецодежда, как подчеркивал современник, «каждого» работающего дополнялась холщовым платком для вытирания пота с лица. В качестве «верхнего платья» при работе использовали «обноски и всякое старье»⁴⁷.

Голову закрывали войлочной («катаной») шляпой - полуовальной формы с высокозагнутыми полями, руки защищали вачегами холщовыми или суконными рукавицами, обшитыми на ладонях с ромчатной кожей⁴⁸. Производственной обувью оставались лапти, обязательные при некоторых видах работ. «На работе эта обувь считается самой легкой и удобной, тогда ею, - отмечал И.И. Архангельский, - не гнушаются и заводские франты - молодые рабочие»⁴⁹. Н.Н. Новокрещенных, напротив, придерживался мнения, что лапти «не пригодны для фабричных работ», подразумевая под ними именно деятельность в «горячих цехах»⁵⁰. На сапоги или к лаптям подвязывали «род сандалий - деревянные подошвы, прикрепляемые к ногам ремнями». Называли это приспособление «баклушами», «баклушниками», «коноплянниками»⁵¹. Сделанное, например, из березы оно состояло из двух частей, было «как бы поперек разрезанным: «для удобства сгиба ступни ноги и возможности стать передней частью ступни, носками, независимо от пятки». Ремни полностью закрывали подошву сапога толщиной в полтора дюйма, но не касались нагретого пола или раскаленного железа, «по которому приходилось ходить»⁵².

Производства по выделке стали имели аналогичные условия труда. Возле печей почти постоянно держалась температура в 52 градуса. Поэтому рабочие вынуждены были защищать обувь деревянными колодками и надевать «лишнюю» одежду, предварительно пропитанную водой: войлочные рукава, шерстяные рукавицы, холщовые фартуки, покрытые войлоком, а на ноги наматывать множество тряпок. Затем ее покрывали глиняным тестом. Но даже такого «скафандра» хватало для выноса всего 15 тиглей с расплавленной сталью⁵³.

Администрация уже в начале XIX в. хорошо знала, что работникам в горячих цехах одежды требовалось почти в два раза больше, чем в обычных. Если «обыкновенному» мастерскому в год полагалось три пары рубашек и портов, то «кричному» - пять, диспропор-

ция по количеству обуви получалась еще значительнее: первый обходился 12 парами лаптей, второму нужно было в три раза больше - 36 пар. Быстрее в кричном цеху изнашивались сыромятные вачеги, которых выдавали не две пары, а четыре⁵⁴. По замечанию В.И. Немировича-Данченко, в кричных цехах работали «железные люди»: «На них гремели железные фартуки, которые спасали их от огненных звезд, носившихся в воздухе. На ногах громыхали железные сапоги»⁵⁵. Мастерские, находившиеся при обжимных молотах Чермоозского завода, на нижнюю часть ног также «надевали род брони из листового железа, для предохранения их от брызг горячего шлака»⁵⁶.

Совершенствование технологии «огненной работы», например, введение пудлингового способа не привело к изменениям условий труда. Контора Лайского завода в середине XIX в. доносила вышестоящей, Нижнетагильской о том, что обжимальщикам пудлинговых спусков «защиток» из сыромятной кожи «доставало» только на один месяц, а их стоимость в эти годы составляла десять рублей серебром⁵⁷.

Рабочих «огненных» производств постоянно упрекали в нежелании носить затрудняющие точность и быстроту движений средства защиты, однако встречались и обратные примеры. У рабочих Юго-Камского завода быстро привились очки-«консервы» и они сами стали просить их у администрации⁵⁸. По данным 1914 г. Г.В. Хлопина, в доменных, пудлинговых и литейных цехах Златоустовского округа рабочие были снабжены сетками, очками, кожаными фартуками и рукавицами. Он сам видел, что очки и кожаные фартуки (за исключением пудлинговщиков Саткинского завода) действительно были на рабочих. Доменщики Баранчинского завода в качестве защитного приспособления употребляли асбестовые фартуки. В мартеновских цехах к фуражкам прикрепляли синие предохранительные очки⁵⁹. В связи со своим назначением рабочая одежда приобрела также некоторые особенности кроя. А.И. Лазарев отмечал как чисто местную особенность доменного производства - расположение разреза на рубашке с правой стороны⁶⁰.

В конце 1860-х гг. В. Португалов видел на рудокোпах холщовые портки, зипуны и шапки⁶¹. Описывая рабочих Нейво-Рудянского рудника, Р. Рума считал, что их костюм: «портки, холщовая рубаха, короткий до бедер зипун, подпоясанный кожаным кушаком или веревкой», дополняемый шапкой и сапогами, - «не соответствует требованиям» условий труда⁶². После публикаций В. Португалова

администрация вынуждена была снабдить работающих, если не «глу таперчивыми», то кожаными куртками и передниками, а также фланелевыми фуфайками⁶³. «Кожаны», по словам В.И. Немировича Данченко выдавали также луньвенским рудокопам. Он называл и «людьми, зашитыми в черную кожу»: «Кожа на шапках, кожа на плечах, на ногах». Но, по его мнению, она не спасала их от воды «Вода насквозь проняла. Малейшей щелью пользуется она и затекает за шею, на грудь». Когда он решил спуститься в медный рудник то на себе почувствовал, каково только находиться, а не добывать руду в кожаном пальто, куртке и фуражке, высоких бахилах, при крепив к поясу «нестерпимо дымившую лампочку»⁶⁴. «При работа в сырых, с большим количеством падающей со стен воды, шахтах, писал в 1902 г. В.Ф. Предтеченский, - имеются для рабочих кожаные куртки, плащи, шляпы и шаровары. Но всеми перечисленными предохранительными предметами рабочие пользуются крайне неохотно и предметы эти, как мешающие работать лежат обыкновенно без употребления»⁶⁵. Производственная одежда горняков, как правило, состояла из брезентовых брюк и куртки⁶⁶. Им необходимы были также прочные кожаные сапоги, поскольку купоросная вода в шахтах разъедала кожу. Для забойщиков Гороблагодатского округа выдавались «хозяйские сапоги», но «так как кожа их бывала чаще всего плохого качества, промокаемая, то благоразумные люди предпочитали иметь сапоги заказные, непромокаемые»⁶⁷. При их изготовлении в Нижне-Тагильском заводе внутрь вкладывался бычий пузырь, подошву два-три раза промазывали олифой, а сами сапоги периодически смазывали дегтем, сваренным с салом⁶⁸.

Замечание X. Мозеля о том, что «заводские мастеровые во время работ употребляют одежду, которая состоит из зипуна, а обувь из кожаных чирков»⁶⁹, следует скорее отнести к работникам вспомогательных производств. Например, в Пожевском заводе костюм рабочих состоял из домотканой рубахи и штанов и «серо-коричневого тона полушерстяного (основа - бумага, поперек - шерсть) запона из холста»⁷⁰.

Механизация изменила требования к рабочей одежде. «Если же машинисты и мазильщики будут находиться при паровых машинах не в курточках, - предупреждали в середине XIX в. служащие Лайского завода вышестоящие инстанции, - то как бы чрез это не подверглись какой-либо опасности..., чтобы полы халата или запон не завертывало в шестерни». Избежать случаев травматизма, по их мнению, можно было, одев персонал в курточки и панталоны из

сермяжного сукна⁷¹. В механической фабрике Мотовилихинского завода в начале 1880-х гг. Р. Рума не нашел «на рабочих костюма, который делал бы невозможными такие случайности, стоящие иногда рабочему жизни». «Неудобство одежды» представлялось ему «громким злом». Сюртуки, рубашки на выпуск, по его мнению, также должны были быть заменены короткими куртками, «при которых устранилась бы или по крайней мере значительно уменьшилась бы опасность быть затянутым в машину». Рукава тоже не редко, попадая в шерстерни под передаточный ремень между валами втягивали туда руку рабочего.

Но его опасения прежде всего касались платьев, кофт, платков работниц, которых в пореформенное время на горнозаводских предприятиях стало несколько больше. «Мы были свидетелем, - сообщал Р. Рума, - как однажды платье женщины было захвачено дроворезкой... причиной этого ужасного несчастья был развивающийся подол платья». Для него было «в высшей степени целесообразно требовать, чтобы женщины, работающие при таких условиях, одевались в мужское платье, которое хотя тоже не очень хорошо, но неизмеримо лучше». Он понимал, что это «вызывало бы массу насмешек со стороны рабочих, но надеялся, что они продолжались бы не больше двух-трех дней, затем полагал он «к этому бы привыкли, как заграничные рудокопы привыкли видеть своих женщин, работающих с ними в мужском платье»⁷².

Особенностью рабочей одежды, причем не только на «огненном» производстве, стало появление фартука. Передники из кожи упоминаются в материалах по южноуральским заводам 1770-х гг., администрация Белорецкого завода в 1817 г. «безденежно» выдавала рабочим в год по кожаному запону⁷³. Их делали с рукавами, сшитыми из холста, либо «с нагрудкой» также из грубой холщовой ткани или кожи и надевали на верхнюю одежду, чтобы предохранить ее от порчи⁷⁴. В музее Добрянского завода стояла «фигура» в производственном костюме: «Сверх обычной одежды - холщовых штанов и рубашки одевался кожаный передник и суконные рукава; к переднику обычно прикреплялся платок для вытирания пота»⁷⁵. «Один бок, плечо и рука» вейских рабочих, по наблюдениям В.И. Немировича-Данченко, были «закрыты чем-то в роде фартука с нарукавником», затем они надевали «настоящий фартук с нагрудником - запонком»⁷⁶.

В горняцком быту «фартук с нагрудником служил для того, чтобы не сыпалась за голенища земля, чтобы вытираться им взамен

полотенца». За нагрудником также прятали хлеб и вачеги. Различались «рабочие» передники, сделанные из мешка и «щегольские» - из хорошего белого холста. Молодежь старалась одевать запон лобогаче, поскольку его обладателя больше «уважали» девчата. Бедняк обзаводился хорошим фартуком благодаря жене, которая «по обычаю... обязательно приносила в приданое» расшитый красными и синими рисунками белый запон. Если молодожен являлся на работу без невестиного рукоделья, «его дразнили и осмеивали». В производственных условиях «форсистый» передник снимали и надевали простой, «чтобы избавить от частой стирки жену». Однако подрядчики, «мужички позажиточнее» «расхаживали весь день в белоснежных тонких запонах», поскольку «это считалось признаком богатства»⁷⁷.

Наряду с утилитарной производство влияло на знаковую функцию одежды. Учитывая символическую природу одежды, горные власти выдавали ее в качестве награды за «хорошую работу и примерное поведение мастерам и рабочим». Во многих частных и казенных заводах, например, Нижне-Тагильских, Сысертских, Пожевском, Добрянском, Юго-Камском, Березовском, Ижевском, существовал обычай «жалования кафтанами». «Есть здесь, - сообщали в начале 1880-х гг. из Березовского завода, - жалованные за службу царскими кафтанами: два штейгера Никита Кремлев и Афанасий Килунов и один лесовщик, некто Иван Исаков»⁷⁸. Хрестоматийную известность приобрела групповая фотография ижевских оружейных мастеров в наградных кафтанах. Подобный экземпляр, приобретенный в Пожевском заводе для Русского музея представлял собой длинную однобортную одежду (сшитую из ярко-желтого сукна местной фабрики владельцев Всеволожских), которую надевали, перепоясывая кожаным ремнем с пряжкой или широким матерчатым кушаком⁷⁹. В Добрянском заводе «почетные кафтаны» шили из английского сукна⁸⁰. По воспоминаниям Е.А. Лезгина, его отец, искусный мастер кричного дела Юго-Камского завода, также получил суконный халат, в котором «венчалась по очереди чуть ли не вся заводская молодежь»⁸¹. Нижнетагильские мастеровые этот знак отличия тоже надевали в особых случаях. «Многие рабочие, отличающиеся трудолюбием и хорошей нравственностью», - сообщали оттуда в середине XIX в., - носят в праздники бархатные кафтаны, с золотую по подолу бахромою, жалованные владельцами»⁸². Об усилении престижно-знаковой роли одежды в среде горнозаводского населения свидетельствуют метаморфозы в восприятии фартука и

превращение «жалования кафтанами» в широко распространенный обычай.

На горнозаводском Урале произошло выделение из повседневной одежды рабочей и превращение части ее в спецодежду. Этот процесс имел ярко выраженный гендерный характер. Мужской гардероб в отличие от женского шагнул далее в своем развитии и имел трехчастное деление: праздничная - будничная - спецодежда, а женский остановился на противопоставлении повседневная - выходная, поскольку в горнозаводском производстве, как правило, было занято мужское население. Показанные нами процессы в развитии двух важнейших сфер материальной культуры - питания и одежде - выступают свидетельством значительного культурогенного потенциала горнозаводского производства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 312. Л. 25.
2. Там же. Оп. 11. Д. 24. Л. 116 об.
3. Чупин Н.К. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Т. 2. Пермь, 1875. С. 195.
4. АГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 17. Л. 9 об.
5. Андржеевский И. Болотные болезни на Севере: Медико-топографическое описание Ижевского оружейного завода. СПб., 1880. С. 39-40.
6. Романов А. Ижевский оружейный завод // Сборник сочинений по судебной медицине, судебной психиатрии, медицинской полиции, общественной гигиене, эпидемиологии, медицинской географии и медицинской статистике. СПб., 1876. Отд. 2. С. 7.
7. Красноперов Е.И. Очерки экономического быта Дедюхинского заводского населения по данным посемейной переписи. Пермь, 1886. С. 32.
8. Топорков А. Березовский завод Екатеринбургского уезда (историческое и этнографическое описание) // ПЕВ. 1881. № 15. С. 82.
9. Маслова Г.С., Станюкович Т.В. Материальная культура русского сельского и заводского населения Приуралья (XIX - начало XX в.) // Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М., 1960. Т. 57. С. 169.
10. Новокрещенных Н.Н. Чермоозский завод, его прошлое, настоящее и летопись событий. СПб., 1889. С. 60-61.
11. Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX - начало XX в.). М., 1971. С. 140.
12. АГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 29. Л. 15 об., 29; Кирпищиков М. Очерк быта мастеровых Чермоозского завода, находящегося в Соликамском уезде Пермской губернии // ПГВ. 1864. № 34. С. 238.

13. Рума Р. Материалы для санитарного описания Мотовилихинского сталепушечного завода и влияния его работ на здоровье рабочих // Сборник работ Пермской земской санитарной станции. Пермь, 1891. Вып. 2. С. 26.
14. Маслова Г.С., Станюкович Т.В. Указ. соч. С. 168.
15. Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Указ. соч. С. 140.
16. Гусев В.Е. Из опыта этнографического изучения рабочих старых заводов Южного Урала // Ученые записки Челябинского государственного педагогического института. 1956. Т. 1. Вып. 1. С. 248.
17. Андржеевский И. Указ. соч. С. 40.
18. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 438. Л. 27.
19. Бажов П.П. Уральские были. Из недавнего прошлого Сысертских заводов. Очерки: Урал книга. Екатеринбург, 1924. С. 32.
20. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 707. Л. 4 об.
21. Пажитнов К.А. Положение рабочего класса в России. Л., 1925. Т. 1. Период крепостного труда. С. 195.
22. Ермаков П.П. Воспоминания горнорабочего. Свердловск, 1947. С. 54.
23. Андржеевский И. Указ. соч. С. 40.
24. Предтеченский В.Ф. Заводская медицина и санитария в Пермской губернии // Труды VIII съезда врачей Пермской губернии. Ч. 2. Доклады съезду. Пермь, 1902. С. 114.
25. Федорова Б. Крепостной Тагил. 1701-1861. Эпизоды из истории горного дела на Урале XVIII-XIX веков. Свердловск, 1940, С. 28; Бертенсон Л. Санитарно-врачебное дело на горных заводах и промыслах Урала. СПб., 1892. С.3.
26. Селезнева В.Г. Очерки по истории здравоохранения на дореволюционном Урале. Молотов, 1955. С. 142-143.
27. Словцов И. Пивоварение в Дедюхине // ПГВ. 1860. № 19. С. 247.
28. Там же. С. 248.
29. Говорливых З. Медико-топографический очерк Чермоозского завода // Медико-топографический сборник. СПб., 1870. Т. 1. С. 290; Новокрещенных Н.Н. Указ. соч. С. 57; Немирович-Данченко В.И. Кама и Урал. СПб., 1904. Т. 2. С. 188; Красноперов Е.И. Указ. соч. С. 33.
30. Там же.
31. Говорливых З. Указ. соч. С. 290; Новокрещенных Н.Н. Указ. соч. С. 57.
32. Там же; Красноперов Е.И. Указ. соч. С. 33; Немирович-Данченко В. И. Указ. соч. Т. 2. С. 188.
33. Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. СПб., Ч. 1. 1811. С. 238.
34. Селезнева В.Г. Очерки по истории здравоохранения... С.142-143.
35. Рутман Р.Е. Условия труда и быта рабочих горнозаводского Урала накануне отмены крепостного права. Исследования по истории Урала. Вып. 1. Ученые записки Пермского государственного университета. № 227. Пермь, 1970. С. 116.

36. Блинов М. Историко-статистический очерк Богословских заводов // ЖВМД. 1855. № 9. Отд. 3. С. 62.
37. Рутман Р.Е. Указ. соч. С. 116.
38. Описание заводов Симского и Миньярского Г. Поручика Мевуиса // ГЖ, 1843, Ч. 1, Кн. 3. С. 345.
39. Блинов М. Указ. соч. С. 63;
40. Рума Р. Материалы для санитарного описания... С. 120, 123;
41. Бажов П.П. У старого рудника // Уральский современник. 1940. № 3. С. 186.
42. Новокрещенных Н.Н. Указ. соч. С. 52-53.
43. Ру...ский А. Прокопьев день в Усолье // ПГВ. 1844. № 10. С. 37-38.
44. Федорова Б. Указ. соч. С. 28.
45. Маслова Г.С., Станюкович Т.В. Указ. соч. С. 141.
46. Небольсин П. Рассказы проезжего. СПб, 1854. С. 274.
47. Новокрещенных Н.Н. Указ. соч. С. 55.
48. Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Указ. соч. С. 139; Маслова Г.С., Станюкович Т.В. Указ. соч. С. 141.
49. Архангельский И.И. Этнографические очерки горнозаводского населения Урала (извлечено из неофициальной части «Пермских губернских ведомостей» 1890 г.). Пермь, 1891. С. 10.
50. Новокрещенных Н.Н. Указ. соч. С. 55.
51. Лазарев А.И. Поэтическая летопись заводов Урала. Челябинск. 1972. С. 77; Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Указ. соч. С. 139; Маслова Г.С., Станюкович Т.В. Указ. соч. С. 141.
52. Новокрещенных Н.Н. Указ. соч. С. 55.
53. Рума Р. Материалы для санитарного описания... С. 53.
54. ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 312. Л. 25-26 об.
55. Немирович-Данченко В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 30-31.
56. Говорливых Э. Указ. соч. С. 290.
57. ГАСО. Ф. 620. Оп. 1. Д. 181. Л. 264 об.
58. Рума Р. Материалы для санитарного описания... С. 277.
59. Хлопин Г.В. Казенные заводы и рудники Урала в санитарно-врачебном отношении // ГЖ. 1916. Т. II. № 4-5. С. 122, 128, 130-131.
60. Лазарев А.И. Указ. соч. С. 76.
61. Португалов В. Работа в рудниках или гигиена рабочих-рудокопов // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1870. Кн. 1. С. 59.
62. Рума Р. К гигиене рудокопов // СПЗ. Пермь, 1882. Кн. 4. Отд. 3. С. 120.
63. Пажитнов К.А. Указ. соч. Т. 2. С. 137.
64. Немирович-Данченко В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 98, 102, 415.
65. Предтеченский В.Ф. Указ. соч. С. 121.
66. Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Указ. соч. С. 139.
67. Пажитнов К.А. Указ. соч. Т. 2. С. 139.

68. Крулянская В.Ю., Будина О.Р., Полищук Н.С., Юхнева Н.В. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917-1970). М., 1974 С. 38.
69. Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба, Пермская губерния. СПб., 1864 Ч. 2. С. 531.
70. Киселевская С. Пожевский завод // Записки историко-бытового отдела Государственного Русского музея. Л., 1932. Т. 2. С. 25.
71. ГАСО. Ф. 620. Оп. 1. Д. 181. Л. 264.
72. Рума Р. Материалы для санитарного описания... С. 96, 211.
73. ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1112. Л. 16; Вагина П.А. Материалы к спецсеминару по истории горнозаводской промышленности и классово-борьбы на Урале второй половины XVIII в. для студентов исторического факультета. Вып. 1. Материально-бытовое положение мастеровых и работорных людей Урала второй половины XVIII в. Свердловск, 1962.
74. Киселевская С. Добрянский завод // Записки историко-бытового отдела... С. 91.
75. Маслова Г.С., Станюкович Т.В. Указ. соч. С. 141-142.
76. Немирович-Данченко В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 403.
77. Были горы Высокой. Рассказы рабочих Высокогорского рудника о старой и новой жизни. Свердловск, 1960. С. 63.
78. Топорков А. Указ. соч. С. 69.
79. Маслова Г.С., Станюкович Т.В. Указ. соч. С. 139.
80. Киселевская С. Добрянский завод. С. 101.
81. Маслова Г.С., Станюкович Т.В. Указ. соч. С. 139.
82. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 578. Л. 25.